

Д. КАРА ЧОБАН

ЗЕЛЕНЕ ПЛАМЯ

Д. Кара Чобан

ЗЕЛЕНЕ ПЛАМЯ

Стихи

АРХИВ
СТЕПАНА КУРОГЛО

GAGAUZ MILLI ARHIVI

Издательство

«Карта молдовеняскэ» 1398
№ Ишнев * 1972

**«CENTRUL DE CERCETĂRI
ȘTIINȚIFICE AL GAGAUZIEI»**

НИЦ ГАГАУЗИИ

ИИ. М.В. МАРУНЕВИЧ

Добром и нежностью влекомый,
я по родной земле шагал.
Не обижал я незнакомых
и близких мне
не обижал.
Не избегал в дороге риска,
старался я
цветов не мять.
И если вдруг склонялся низко,
то чтобы птицам
не мешать.

...А жизнь как колокол,
чей звон
ворвется в душу мне
тревогой,
и позовет за горизонт,
и поманит меня дорогой.
Вперед!
Вперед!
Метель,
гроза,
но мне
нельзя остановиться.
И та же пыль
мне бьет в глаза,
что на ноги мои
садится...

Зеленое пламя

Ветви деревьев над нами —
зеленое пламя.

Ветер ласкает зеленый
зеленые склоны.

Жесткая зелень оврага —
зеленая брага.

Скажут при встрече со мной:
«Глядите, хмельной!»

Словно в первый раз

Я по земле хожу,
и словно в первый раз
вокруг себя гляжу —
отрадно все для глаз.

Я по земле хожу
и как скупой твержу:
«Считай и береги
последние шаги!»

Я этот мир люблю,
я свой не кончил путь.
Я воздух ртом ловлю
и расправляю грудь.

Мой друг Манол

С Манолом мы
дружны навек.
Манол —
душевный человек.
Манол — добряк,
Манол — толстяк.
Трещит кушак
и мал пиджак.
С Манолом всюду
мы вдвоем.
Манол толстеет
с каждым днем.
Он трое суток
смотрит сон.
Всхрапнув, кровать
ломает он.

Счастья, радости хочу,
но в печали я грущу...
И повсюду на земле
я священное ищу.

П. Н. Влаху

Вчера трудился
до седьмого пота.
Мне обновленье
принесла работа.
Все, что не нужно,
как рукой сняло.
Я чист. Усталость —
благо, праздность — зло.

«Сарказм»

Коротка порой жизнь,
но прекрасна,
и любил я ее
не напрасно.
Жил, как мог,
но прекрасно
я жил —
ревновал,
и страдал,
и любил!

Только я недовольным
остался,
как бы жить хорошо
ни старался.
Все казалось мне —
много давал,
все казалось,
что мало я брал...

Ну что за человек!
Нет на земле такого,
кто сможет про него
сказать дурное слово.

Ну что за человек!
Его сравню я с солью —
без соли не бывать
веселому застолью.

Ну что за человек!
Его рожденье — благо.
Пьянящ его задор,
как пенистая брага.

Иной бедняга в плач
вложить не может душу,
а этот так поет,
что век его бы слушать!

Иному весь мир покажи — он в ответ:
от скуки, мол, некуда деться.
Другой на родную землянку свою
не может никак наглядеться.

Я играл с моей дочкой-малюткой,
поцарапал случайно ей губку —
капля крови на губке горит.
Дочка вскрикнула, кровь обнаружив...

У нее заболело снаружи,
у меня заболело внутри.

Сторона моя, сторонка!

Речь родная, что ни слово —
слово колыбельное,
сторона моя, сторонка —
поле нераздельное!

В той сторонке птицы детства
будят землю трелями,
и журчат весной черешни
под фатами белыми.

Пока есть цветы на свете,
умирать мне муторно.
Обману я смерть косую,
гроб наполнив мусором.

Жизнь наша как вода
глубокого пруда:
надежда — света полоса
и словно тень — беда.

Луч солнца, свет луны
касаются волны.

Дорожка света пролегла
над тьмою глубины.

А синь по воле ветерка
качает облака.
Надежды трепетная зыбь
легка и далека.

И свет, и тень пруда
неверны, как вода.
Надежда, как надежная подруга,
со мною ты всегда.

Идущий достигнет
цели движенья.
К яме идущий
путь кончит паденьем.
Идущий к довольству
в себя погружен.
Стремящийся к правде
покоя лишен.
Забывшему труд —
и хитрить, и ловчиться.
А мир между тем
к совершенству стремится...

Радость

Ах, как сегодня
радость звонко
звенит
в моей крови!
Как будто лучшая девчонка
призналась мне в любви.

Как будто
где-то объявилась
нежданная родня,
как будто счастье поселилось
под крышей у меня.

Как будто прежние тревоги
быльем позаросли,
как будто все мои дороги
значение обрели.

Как будто снова мне приснились
косые паруса,
как будто зеленью покрылись
среди зимы леса!

Сегодня радость птицей свищет,
да так,
что я в пути

забыл
про боль твою, дружнице...

Прости меня!
Прости...

Кто выбрал однажды
дорогу кривую,
того не заставишь
свернуть на другую.
Того не успеть
осмеять,
тому не успеть
помешать.
Он будет вперед
продвигаться тишком,
где низко нагнувшись,
где даже ползком.
Трудно придется
только сперва,
пока еще совесть
жива.

Мир прекрасен,
и я безотчетно рад.
Все сияло вокруг и лучилось.
Но слезой затуманился взгляд,
значит где-то что-то случилось...

Почему я с давних лет
всех уж слишком умоляю?
Потому я умоляю,
что боюсь, мне скажут «нет».

Добро и зло повсюду ходят рядом.
Зло появилось — жди добра приход.
И если зло нас отравляет ядом,
добро противоядие дает.

Любой из нас для будущих времен
оставит нечто. Ты и я, и он
оставим дело рук ли, или нрав.
Мир изменяет каждый, кто рожден.

Сижу — едва не джентльменом! — в
трамвае...

И почему-то очень часто тут
вдруг, как ожог мгновенный, ощущаю
я чистых рук своих нечистоту.
Хоть каждый палец вымыт и ухожен,
а гляну — щеки словно опалит:
дела мои, как будто грязь на коже,
как язвы скрытые — и стыдно, и болит...
А люди смотрят,
люди это видят:
вот язва — чью-то подлость замолчал,
вот грязь — солгал,
шрам — слабого обидел...
Да как я раньше их не замечал?

...Лишь на одной руке есть палец чистый,
я им прикрыть пытаюсь обе кисти.

В ком увижу странное,
скажу:

— Пусть в нем останется.

В ком увижу зло,
скажу:

— Пускай ему достанется!

Увижу в ком хорошее,
скажу:

— Ах, если б знали все!

И сам всем расскажу.

Столбы у дорог истории

(С думой о великих людях)

Тот, кто с правдою повенчан,
платит жизнью ей. Потом...
Все не вечно, он же — вечен,
став истории столбом.

Да, история нам ставит
на путях своих столбы —
эр, эпох, веков заглавья —
из людей прямых и правых,
самых сложных и простых.

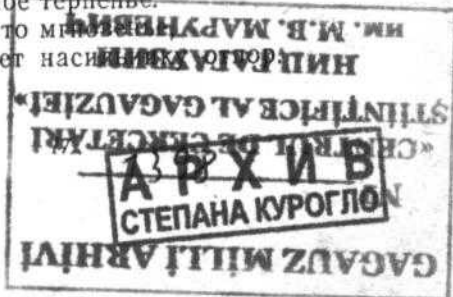
Нам зарницы их учений —
указатели дорог.
чтоб до истин из мучений
всяк из нас добраться смог.

Я люблю вас, дети солнца,
вечных путников земли.
Для борьбы, не для парадов
к нам из нас вы в мир пришли.

Если б голос ваш сознанием
стал для всех — как свет
идей,—
то бы не было страданья,
и уж не было б в помине
привилегий средь людей.

У самого добра (известно с давних пор).
не безграничное терпенье.
И неизбежно то миг
когда оно дает насилью.

*

И ученость от ученья,
и умение от ученья,
а любовь и доброта —
свойства сердца от рожденья.

*

Лезвием тупым опасно бриться.
Глупый всегда на доброго злится.

Нет, друг не тот, кто терпит и не сердится,
и недостаток извинит любой,
а тот, кого кольнет мгновенно в сердце
твоя, не вдруг осознанная боль.

18

В. И. А.
ОБЩЕСТВО КАРТОГРАФОВ

Не печалится пройдоха,
а застенчивому плохо.
Все пройдохе хоть бы хны,
он не чувствует вины.
А застенчивый казнится,
стоит просто оступиться.

Перец ты, мой перец!
Не узнать совсем.
Сладким был, родившись,
горьким стал зачем?

Довели дорогие напитки
едва ль не до самой могилы.
Но испил я воды родниковой,
и сразу прибавилось силы.

Содеял дурное — и совесть заела.
Спеши совершить благородное дело.
Светлее и радостней станет вокруг,
и тяжесть на сердце уменьшится вдруг.

Д. И. Савастину

Нет, не все еще высказал разум,
еще много чудес на пути.
Будут сохнуть поля и цвести...
Нет, не все совершается сразу.

Что откроют великие души,
что создаст добрый гений и труд,
то безумцы на время разрушат,
а разумные вновь создадут.

Тем, кто на ногах

Стоящий порою стремится
на стул поскорей опуститься.

Сидящий прикинет, что все же
гораздо удобнее ложе.

Приятно лежать без движенья,
оставив борьбу и стремленья.

О, чур опусканье! Пока не присели,
гоните соблазны скамьи и постели!

Земля — музей,
мы сами
с годами пополняем этот храм.
Есть пустыки, есть и ненужный хлам,
есть красота, перед которой нам
стоять в благоговении часами.

В музее тихо
и светло.
Картины, утварь,
медь, стекло.

В просторном зале
в тишине
мы внемлем нашей
старине...

Мы видим честь
иль грязный бред
в деяньях тех,
кого уж нет.

Меч

Неплохо потрудились
создатели мечей —
до самых мелочей
все сделано во вкусе
убийц и палачей.

Возьмешься за эфес —
рука сольется с ним,
чтоб от клинка никто
не смог уйти живым.

Я дочери книгу
и мяч подарю,
и яркий флажок,
что похож на зарю.

И куклу куплю,
и сервиз, и конфет,
и платье, краше
которого нет.

Я сыну набор
инструментов принес,
чтоб сын к ремеслу
приобщался всерьез.

Но я никогда
не куплю автомат —
пусть дети мои
не играют в солдат.

Стрелять им не надо
в их детские дни.
Пусть в «Скорую помощь»
играют они.

Встреча с фашистом

Шли немец с немкой, муж с женой,
с прогулки шли домой.

И вдруг — навстречу им фашист
идет-бредет хромой.

Идет, угрюм и однорук,
на встречных смотрит зло.

Жена спросила мужа: «Ганс,
что с ним произошло?»

Его встречали раньше мы —
имел он пару рук».

Ответил муж своей жене:

«Он потянулся вдруг
содеять зло и потому
остался без руки».

Жена сказала: «Он ходил
когда-то без клюки,
теперь же ноги волочит
и согнута спина».

«Он по дурной дороге шел
и получил сполна...»

Чтоб стал на верный путь, ему
попало по ногам».

Так муж ответил, а жена
спросила вновь: «А шрам
на лбу откуда у него?»

«Чтоб не был позабыт
урок,—
ответил муж,—
в башку
был ум железом вбит».

Двое детей у меня —
как две пуговицы,
мячиком скачут
по улице.

Небо хмурится
и проясняется,
цветами и солнцем
им жизнь улыбается.

Плохо, если война
сына поднимет с подушки,
беда, если вместо грома
загрохочут пушки.

Страшно, ежели бомбами
осветится тьма ночей,
если планета станет
мячиком для палачей.

С. Г. Богдану

Ты — гений,
добрый гений мой.
И снова я к тебе с моей нуждой.
С доукою пришел,
с обузою пришел. —
Ты по-большому добр,
по-доброму большой.
К злым не подходят, чтобы зла не брать,
от добрых не уходят без добра.

Корите меня,
критикуйте,
браните,
но и врага
моего
не хвалите.

Я люблю одно светило —
солнце. Солнцем одержим.
И хочу, чтоб все под ним
на него похожим было.

Солнце гасит ночи злые,
разжигает жизнь во мне.
И я счастлив тем вдвойне,
что и люди есть такие.

Дорога и тропа

Где пшеница стоит-колосится,
есть дорога по краю пшеницы.

Люди многих — не счесть —
поколений
шли дорогою той из селений.

Кроме этой дороги, что кружит,
есть прямая тропинка поуже.

Кто спешить без оглядки привык,
тот тропу проторил напрямик.

Ушла медлительность, исчезла тишь.
Мир, ты спешишь вперед, как ты спешишь!
Послушай, мир, послушай, ты беги,
хорошее ж в себе побереги!
Ракетою стремись вперед и ввысь,
но оглянись, на миг остановись. ,
Подумай, мир, подумай,— ты не прав,
спокойную раздумчивость поправ.
Ты можешь стать прекрасным, нежным...
Стань!

Не обгони добра,
от зла отстань.

Ты молодой

Я вижу, что по молодости лет
ты говорить умеешь, слушать — нет.
Состаришься — научишься беречь
и мысль чужую и чужую речь.

Анекдот об упрямце

Сказал: «Пожалуйста, потише!» —
Он тотчас зашумел, услышав.
Я попросил: «Закрой окно». —
И вмиг распахнуто оно.
Сказал: «Уйди, ступай домой». —
Он встал столбом передо мной.
Что делать? Говорю: «Побудь
еще со мной». — Он сразу в путь.
Кричу: «Что мало погостил?» —
Его уже и след простыл.

*Когда мы не идем туда,
где нас ждут*

Приходи, любимый,
поскорей! Я жду.
Ты б со мной люблюю
позабыл беду.

Я была б не месяц
верной, а навек.

Почему ты медлишь?
Лето... Осень... Снег...

Не хочу, чтоб мимо
годы пронеслись.
Приходи, мой милый,
навсегда — на жизнь.

Навеки простившимся

Нет медовому месяцу
равнозначных других.
Кружит, кружит, как мельницу,
мою голову, и-их!

Голове же скатившейся —
все равно, где лежать,
а навеки простившимся
все равно, с кем страдать...

Если дочку хвалит мать

Если дочку хвалит мать —
убегай!

Будут люди прославлять —
не зевай.

Если много женихов
липнет к ней,
засылай своих сватов
поскорей!

Лишь ее зови, любя,
твердо стой.
Если выйдет за тебя —
песни пой!

...И ты — моя.

Я счастлив, беззаботен.

Но странную вдруг чувствую печаль:
ведь я тебя же у кого-то отнял,
кого-то обездолил невзначай.

Счастливые, идем вдвоем с тобой,
но стыдно и неловко так сейчас мне
от мысли, что, свою скрывая боль,
глядит на нас какой-нибудь несчастный.

Не проходи

Ну, хоть раз не поверь
ты прямой и упрямой дорожке. —
Ждет открытая дверь
и горит огонек на окошке.
Я в бессонных мечтах
всю подушку цветами расшила. —
Головою в цветах
ты под утро задремлешь, мой милый!..

Я знал, я верил, мнил,
что ты — полубогиня!
Тобой хмельные дни
не могут стать другими.
Великий договор
сердец — нерасторжим:
друг другу с этих пор
с тобой принадлежим.
Весь мир мой
был в тебе,
и все пути — к тебе,
твоя судьба была в моей судьбе.
...Ты дар любви своей
мне щедро отдала,
потом твоя любовь
сама изнемогла.
Погасла, как огонь,
призывный, благодатный...
Я не пойду вдогон,
ты не придешь обратно.
Дорога лишь легла
напоминать упорно,
в какой ты край ушла,
в какую сторону...

Весна вовсю.
И пахнут диковато
земля — цветами
и землю — ветры,
и вербы, выпрямляясь угловато,
вольготно дышат синью и рассветом.
Ростками зелени почти стреляет почва
и почки — листьями.

(А вместо дыма — запах!)

...Любимая,
мне и весенней ночью
без огонька в твоём окошке зябко.
Зажги его!
Мне будет лучик тоненький
тропинкою сквозь эту ночь пустынную.
...Я встану, прислонившись к подоконнику,
И сердце тихо постучит:

— Впусти меня...

Кто тебя не видел, милую,
не поймет, конечно, тот,
что судьба
его не милует,
а совсем наоборот.

Кто не звал тебя по имени,
не узнает все равно,
что слова бывают синими
и хмельными, как вино.

Кто не шел с тобой по улицам,
не изведает того,
как планета сладко кружится
под ногами у него.

Кто, ценя твои пророчества,
не спешил на поезда,
тот глухого одиночества
не узнает никогда.

— Останься,— говорил ей дом. —
Зачем уходишь и куда?
Я окружу тебя теплом
и обогрею в холода.

— Останься! — умолял порог. —
И обещаю твердо я,
что ни одна из всех тревог
не переступит за меня.

— Останься! — говорил ей сад. —
Забудь обиды и прости.
И каждый год я буду рад
лишь для тебя одной цвести.

— Останься! —
плакало крыльцо.
А я кричал:
— Вернись назад! —
Но было каменным лицо
и неподвижными глаза...

Если грянет соловей
в ближней роще,
не спеши к любви своей
ты на площадь.

Не врывайся в хоровод
вихрем снова.
Знай:
любимая идет
за другого.

Осыпаются цветы,
что дарились.
Говорят, уже сваты
сговорились.

Сохнут чувства на корнях —
раньше знать бы!
Говорят, у них на днях
будет свадьба.

Будет свадьба,
пир — горой
напропалую.
И не ты ее —

другой
поцелует!

...А на улице опять
тихо, звездно.
И молить и проклинать
поздно!..

На два голоса ты, песенка моя,
потому что скоро замуж выйду я.

Говорят мне люди,

дескать, хорошо бы,
чтобы свекор был понятливый и добрый;
пусть нарядами свекровь не одаряет,
но и зря пусть не журит, не укоряет;
пусть картавый будет муж

иль молчаливый, —
лишь бы он любил, и станешь ты
счастливой;

пусть не носит на руках тебя, пускай он
лишь почаще обнимает да ласкает...

На два голоса я песню завожу.
Буду ль счастлива — я после расскажу.

Солончаками белыми земля
слепит —
глазами можно наколоться!
Зовет скрипучий клетот «журавля»,
склоняющего шею над колодцем.

И девушка, прекрасная, как лето,
водой холодной плещет, словно счастьем.
Стеклянный — звон воды
и звон браслетов
на тонких, омуглых девичьих запястьях.

И в розовых губах таится слово,
и алая на спину лента льется...
Стал и смотрю, как будто заколдован:
во рту все сухо,
а вода не пьется...

Она согласна

Я полюбил ее —
она согласна,
поцеловал ее —
она согласна,
сказал: — К венцу пойдём! —
она согласна.
Повел со свадьбы в дом —
она согласна.
Как просто было все
и как прекрасно!
Я так ей и сказал...

Она согласна.

Темный ветер засвистит
воющею ночью,
все хочу к тебе пойти —
подойти невмочь мне.
Как слепой, вокруг столба
покружусь вначале...
Наказала мне судьба

изнывать в печали.
Ночь моей тоской кричит,
да опять обманет —
те же самые ключи
у меня в кармане.
Возвращусь я снова вспять —
дома мне не легче:
не дают мне стены спать,
от тоски не лечат.
И глаза лишь слезы льют, —
солono и колко.
И умеет думать ум
о тебе — и только!

Пусть ты будешь радостью
для другого дома,
улыбаться вежливо
будешь — пусть — другому.

А со мною холодно
станешь говорить,
выгонишь из сердца, —
ладно, так и быть.

Не обижусь,
только
мимо не ходи,
чаще ты встречайся
на моем пути.

Чтобы мог улыбку
видеть я твою,
чтобы мог утешить
я печаль свою.

От счастливого или счастливой
глаз отвести не могу, не могу...
Я любимой не зван — я крапива
меж цветов на веселом лугу.

Тень усталая курицей черной
всюду тащится тихо за мной.
Мрак тоски — он молитвой затворной
мою душу томит за стеной.

Я отстал, далеко моя спутница,
радость зайчиком редко мелькнет.
Интересно, цветет или мучится
тот, кто с милой моею идет?

*Пожились мы
очень быстро*

Не так уж долго
наши встречи длились,
совместною была
недолго жизнь.
О том, что мы
с тобою поженились,
узнали все,
когда мы разошлись.

Если ты придешь ко мне,
выйду я навстречу,
и письмо напишешь мне —
я тебе отвечу.

А на ласковый привет
рано на рассвете
я тебе пошлю в ответ
песенку в конверте.

Потеряется твой след —
обойду округу.
А сломается браслет —
руку помнить буду.

Буду помнить твой наряд,
что как утро светел.
А любовь твоя сгорит —
сохраню я пепел.

Милая лучок сажала

Милая лучок сажала,
слезой грядки поливала.
Ох, и зол же этот лук —
жжет глаза, бежит из рук.
— Не горюй, моя любовь,
дай-ка вытру твои слезы
и приглажу твою бровь!

Отойди в сторонку, мама!

Пасмурно, холодно — скоро зима.

Мама, мне новая шуба нужна.

Грачи засвистели, почки набухли.

Мама, купи мне новые туфли.

Мама, кукушка откуковала,

а у меня ведь приданого мало.

Сваты уж идут, подай мне гребенку,

Сама ж отойди, дорогая, в сторонку.

Устало солнце за день летний
и скрылось за холмы зеленые.

В селе хозяйничает молодость.

Куда ни глянь — везде влюбленные

Танец

Если пояс твой не красен,
значит ты не подпоясан.
Пояс красен — жизнь красна,
тебя любят, жизнь — весна.

Шаг вперед, шаг назад —
танец разгорается.
Иха-иха, парня взгляд
с девичьим встречается!

Никогда ни разу прежде
я не видел такой нежной.
И нигде в дали окружной
не встречал я такой нужной.

Шаг вперед, шаг назад —
танец разгорается.
Иха-иха, парня взгляд
с девичьим встречается!

На свиданье под каштаном
не являйся слишком рано,
но будь точен.

Коль глаза я опустила,
ты считай, что разлюбила,
считай, но не очень.

Если буду очень строгой,
улыбнешься мне немного,
но не смейся!

А когда придем на хоро
в ярких праздничных уборах,
гляди на меня!

Не берется нежность с бою —
будь стеснительным со мною,
но и не бойся.

И тогда везде и всюду
о тебе лишь думать буду,
милый друг...

Но ты мечтаешь о другом

Я молодость свою спалил,
мечтою о тебе томим.
Я лишь тебя всю жизнь любил,
Но не был я тобой любим.
Я и теперь лишь об одном
мечтаю — быть с тобою рядом.
Но ты мечтаешь о другом,
другого провожаешь взглядом.

Мне кажется, ты просто пошутила.

Мне кажется, ты просто пошутила...
Так было, но ведь так не может быть —
покинуть вдруг меня и разлюбить!
Как будто солнце для меня остыло...
Не мог я ожидать, не мог предвидеть,
я задыхаюсь без тебя. Мир — пуст.
Ни проклинать тебя, ни ненавидеть,
ни умолять не хватит сил и чувств.
Какой вины моей ты не простила?
Ушла, закрыв к большому счастью дверь...
Не странно ли, но я все жду, поверь:
все кажется — ты просто пошутила...

Вчера счастливые
мне повстречались.
Их было двое.
Они омеялись.
Открыты были
сердца для песен.
Мир был прекрасен,
мир был чудесен.
Уже был вечер,
уж тени пали,
они ж потемок
не замечали.
Мир полным солнца
для них остался,
зарю утренней
закат казался.

Перед зеркалом

Солнце к западу клонится.
У окна краса-девица
перед зеркалом сидит,
наряжаясь, говорит:
«Будь же, зеркальце, правдиво,

покажи меня красивой,
покажи меня пригожей,
рослой, стройной, белокожей,
без морщинок, без изъяна,
черноокой и румяной.
Щечка, ямочкой играй!
Лейся, счастье, через край!»

Она сгорала тихо, будто таяла,
и так была мила в печали той,
что нам казалось — расцветала тайною
и томною нездешней красотой...

Как они счастливо дышат
этой лунною прохладой,
как близехонько уселись,
как они друг другу рады!

В этой чаше нету трещин,
чаша эта — мир огромный.
Из некраденого чувства
вырастают честь и скромность.

Рад я видеть этих юных,
их ни словом не обижу,
ибо я не знаю, завтра
вместо них кого увижу.

Оттенков разных требует узор,
любая нить для вышивки нужна,
но голубая всех нужней — она
напоминает милый сердцу взор.

Терпит сердечные муки

Терпит сердечные муки
тот, кто с любимой в разлуке.
С думою лишь об одном
день провожает за днем.
Тяжки бессонные ночи —
мается, выплавав очи,
смотрит с тоскою во тьму.
Кто же поможет ему —
скажет участливо: «Полно, оставь,
Прошлого нет, настоящее — явь!».

Звон браслетов на запястьях

Звон браслетов на запястьях,
в косы ленты вплетены —
статью сердце рвет на части,
а походке нет цены.

Я горюю и тоскую,
счастья мне не обрести,
если девицу такую
в дом хозяйкой не ввести.

Какой чудесный паренек!

Какой чудесный паренек!
Его улыбка — загляденье,
и краска робкого смущенья
не покидает юных щек.
Когда вокруг веселый пляс,
он жметя к стенке, оробев,
и, не подняв от пола глаз,
так и уходит он от нас,
украдкой даже не посмев,
взглянуть на милую хоть раз.

Бьет ключ прозрачный, ледяной

Бьет ключ прозрачный, ледяной.
Я покидаю дом родной.
По камешкам бежит вода.
Я покидаю навсегда.
Утешься, мать, прощай, отец.
Девичеству пришел конец.
Умчались дни девичьи прочь.
Невестой стала ваша дочь.
За все спасибо, но втройне
спасибо вам, отец и мать,
что мужем я могу назвать
того, кто люб и дорог мне.

Кто молится любви

Что ж ты, парень-король,
не целовал, бедовый,
той весенней порой
губ цветок медовый?
...Где вилась пыль столбом,
да от зноя марево,
сердцем, будто в землю лбом,
в пустоту ударило.

Там стоит тишина,
где был гул от танцев...
и невестой она
не тебе достанется.
Отцветет-отгорит,
как цветок семи лесов...
А тебя одарит
осень поздней милостью:
у нее листьев нет
и поля — голые,
вялый свет,
блеклый цвет,
краски невеселые.
И, смиряя жар в крови,
пережив многое,
парень молится любви
чистотою строгою...

Ту, кого любить я стал,
знает все мое сельцо:
гибкой камышинкой стан,
ясным солнышком — лицо!

Вслед за ней, вокруг нее
ходят много и других.
Только я люблю ее
больше их и крепче их.
Ой, не пяльте, парни, глаз,
не ходите вы за ней!
Разве нет других для вас,
кроме милушки моей?

Гей, облако!

В небе облачко бездождное
белоснежной занавескою...
И с надеждой безнадежною
шел несмело за невестой я.
По земле ходил и — тяжек шаг,
рвется к облаку моя душа...
Мне б с любимой,
мне бы с ней о бок:
я ходил бы как по облаку!..

Я стены убрала,
для гостя стол накрыла.
Красавец в дверь вошел,
в ту, что... не я открыла.
За нелюбимого, знать, выйду, не иначе..
Все радоваться будут,
я — тайком поплачу...

Поздняя осень

Земля так прозрачна
и так чиста,
что виден изгиб полушария.
За домом
пустынных полей глухота,
как выстрел в горах,
оглушает.

Сияет печально
в предутренней мгле
неба
застывшее олово.
Последний цветок
наклоняет к земле
гордую
голову.

Ну-ка, дед, спляши

— Ну-ка, дед, спляши
или затяни
песнь, что от души
пели в ваши дни!

— Спел бы, как велось,
да забыл слова.
В серебре волос
моя голова.

Вспомнил бы слова,
силы б не нашел,
ведь хожу едва
и как воск я желт.

Петь давно отвык.
Запою лишь я,
закружится вмиг
голова моя.

Пляску — что сказать, —
мог я показать.
Да не та уж статья,
отплясался, знать.

Ведь не те года.
Только в круг войду,
наберусь стыда,
тут же упаду.

Петь-то пели мы
в годы дальние,
да и песни те —
все печальные.

На косьбе

— Сынок, под косу надо бы
глядеть: в траве густой
ты жаворонка надвое
рассек своей косой.

Смотри, в крови и лезвие,
и колкая стерня.
— Слепа коса железная.
Прости, отец, меня!

— Не надо, не упрашивай.
Простить я не могу.
Ни разу птиц не скашивал
отец твой на лугу.

Старый Буджак

Даже у птицы клювик открыт,—
свет — как пожар.
Солнце палит так, что сердце болит,
Это — Буджак!
Прячется птица, еле взлетев,—
невозмогу!
Облачка хоть бы мгновенная тень
на наготу.
Вечно безлесен Буджак, гол и пуст,
травы горят.
Скрученный зноем акации куст —
весь и наряд.
Вместе с весною минули дожди...
В зное дрожа,
зелень, спасительной влаги не жди:
это — Буджак!
Прячется живность и трудно земле,
жарко живым.
Некуда деться людям с полей,
некуда им...

В музее старины

Верните это фото,
пожалуйста, назад —
для нашего музея
не годен экспонат.

Музей интересуют
былые времена,
а этой фотографии
невелика цена.

Взгляните, как одеты
Агафья, Родион:
одежда магазинная
и городской фасон.

Тогда б для экспозиции
одежка подошла,
когда б ее сработали
жители села.

Когда вручную пряжа
в потемках спрядена
и на забор разбитый
натянута она,

когда груба сермяга,
с узлами на утке,
и соткана на древнем
полугнилом станке,

когда сермяга соткана
крестьянскою женой
с лицом в морщинах ранних,
с усталою спиной.

Старик

Снег попережку с мутным небом,
чернеют улицы.
Вода и грязь в лаптях у деда,
идет, сутулится.

Его лицо черно, изношено —
икона древняя.
Бредет старик с тяжелой ношею,
бредет деревнею.

Настоем крепким горя травлены
его морщины,
и глубоко два глаза вставлены,
как две кручины.

Сосуд души наполнен болями,
смерть входит в сени,
и перед ней не молит бога он
о воскресении.

Жалоба батрака

Ой ты, горе горькое,
горе неученое,
с черной хлебной коркою
в роднике моченое!

Ты глазами медными
все на бедных косишься,
бедами несметными
ты над ними носишься.

Погляди, как ткут они
с болью в позвоночнике,
как дрожат над скудными
вешними росточками.

Спелых зерен россыпи
в закромах не копятся.
Что хозяин бросит им,
тем они обходятся.

В доме за работником
смотрят лучше лучшего,—
подают заботливо
хлеба кус колючего.

С хреном редьку крепкую
он жует отчаянно,
метелочной щепкою
зубы вычищает он.

Ой ты, горе горькое,
что ты ходишь, злющее,
скрылось бы за горкою,
за высокой тучею!

Колыбельная

(30-е годы)

День окончился, ночь заливает сады.
Все отчетливей слышится голос воды.

Айдя-айдя, аа-аа-аа.

Ты мала еще, ты как травинка в росе.
Спи-усни, моя умница, спят уже все.

Айдя-айдя, аа-аа-аа.

Закрываются ночью глаза у зайчат,
а по лужицам капли стучат и стучат.

Айдя-айдя, аа-аа-аа.

Из Добруджи, дрожа на холодном ветру,
на телеге приедет отец поутру.

Айдя-айдя, аа-аа-аа.

Он, конечно, заметит, что в окнах темно,
и тихонько тогда постучится в окно.

Айдя-айдя, аа-аа-аа.

Не раздевшись, он в комнату тихо войдет,
и, плаща не снимая, к тебе подойдет.

Айдя-айдя, аа-аа-аа.

Может, куклу положит он рядом с тобой —
голубые глаза и платок голубой.

Айдя-айдя, аа-аа-аа.

Постолы он почистит потом у сеней,
и что заработал — покажет семье.

Айдя-айдя, аа-аа-аа.

Но я чувствую сердцем, малыш мой родной,
что отец твой приедет без денег домой.

Айдя-айдя, аа-аа-аа.

Все, о чем думал я в детстве,—
было гениальной наивностью;
все, о чем думал я в юности,—
было дерзновенной мечтой;
все, о чем думаю в старости,—
горькою правдою стало то.

Если слушатель твой не глух,
не терзай ему криком слух.
Если суть твоей мысли нова —
не теряй ее в лишнях словах.

На том лишь истины печать,
лишь тот поэт, кому дано,
не тратя сотни слов, сказать
необходимое одно.

Ответ начинающему

— О чем писать и как?
Меня в упор спросил он.
И я ответил так:
— О спорном — верно,
о бесспорном — сильно.
А он опять свой палец стал сосать,
чтоб высосать — о чем и как писать.

У входа на Парнас

Однажды великие мира сего
сошлись обсудить у Парнаса
то, как на Парнас пропускать и кого, —
поскольку желающих — масса.
У массы же — массовый и нажим,
вон сколько непрошеной братии!
Построже оценивать — взвоят:
— Зажим
творческой демократии!..
А всех пропускать — так наделаешь бед,
ну нет с оголтелыми сладу!..
...Зря звали Мудрейших часы на обед —
здесь прения шли по докладу.
Ведя обсужденье конкретных лиц

серьезно, достойно и строго,
у всех недостатков много нашли,
а вот достоинств — немного.
Тогда один из Мудрейших изрек:
— Мы проголодались, продрогли,
и я из суждений извлек урок,
а вы извлекли урок ли?
Самокритично скажу, и у нас
есть недостатки, не так ли?
Кого же тогда пускать на Парнас,
коль видеть одни недостатки?
И я убеждаю вас горячо,
пусть тесно у нас на Парнасе,
но каждому хочется славы... клочок,
кто хоть к подножью пробрался.
Не пустим их в двери — так влезут в окно,
то бишь на вершину влезут...
Конечно, проверим, посмотрим, но
отказывать всем — бесполезно...
И все согласились, что мысль — верна.
Связав вдохновению крылья,
критерии старые обкарнав,
путь на Парнас открыли.
Прозаик пришел — из невежд Невежда! —
Буркнул: — Тут где-то местечко мне...
Его пропустили, сказав, что прежде
все-таки надо бы поумнеть.

Один лишь Мудрец шепнул осторожно:
— А он, по-моему, глуп безнадежно!..
Пришел Неплачущий-Несмеющийся
поэт, как живые мощи.
Пустили его, отметив, что, в сущности,
поэзии нет без эмоций.
Самодовольный пришел:

на лице
самовлюбленность лучится.
Пустили, но прописали рецепт —
от самодовольства лечиться.
Пришел на огромных ходулях Гордец,
бумажные крылья ежатся..
— Ничтожество! — ахнул один Мудрец
и все подтвердили: — Ничтожество!
Бумажные крылья ему ощипали,
лучин из его ходуль нащепали,
и строго пропел ему хор Мудрецов:
— Стыдитесь!

Упрек в лицо Вам. —
Был очень скромн поэт Кольцов,
берите пример с Кольцова!
Идите!..

Пошел он и на ходу
стал срочно отращивать пару ходуль.
...Глядели смущенные Мудрецы:
— Да что же это, Парнас или цирк?

Эх, гнать бы их, как из храма менял —
ведь заживо творчество давят!
И вот уж Парнас на глазах слинял,
и музы его покидают...
Но вот, неся свой нелегкий труд,
усталый и негалантный,
случайно совсем оказался тут
Истинно Талантливый.
И Критик, за всех, кто успел проскочить,
испытывая смущенье,
взялся Талантливого бранить
за промахи и упущенья.
Но поэтический Патриарх,
маститый и поседелый,
привстал и воскликнул взволнованно:
— Ах,

да разве в ошибках дело?
Ведь это Талант, настоящий, живой,
школярский урок на кой ему?
Ведь я притащился из-за него
и возвращусь успокоенный!
Удел Таланта — всегда дерзать,
и он отважно дерзает,
и, право, не надо его терзать —
Талант сам себя терзает!..
Сказали Мудрейшие:

— Хорошо,

открыть ему сложность миссии!..
...Талантливый мимо Парнаса прошел
и мимо почтенной комиссии...

Хорошо, что есть время!

Я столько переделал дел — в беремя,
как говорится, все не ухватить.
Как славно, что на это было время,
а ведь его могло бы не хватить!

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
«Добром и нежностью влекомый...» <i>Перевод</i> <i>В. Кузнецова</i>	3
«...А жизнь как колокол...» <i>Перевод В. Кузнецова</i>	4
Зеленое пламя. <i>Перевод М. Еремина</i>	4
Словно в первый раз. <i>Перевод М. Еремина</i>	5
Мой друг Манол. <i>Перевод М. Еремина</i>	6
«Счастья, радости хочу...» <i>Перевод автора</i>	6
П. Н. Влаху. <i>Перевод М. Еремина</i>	7
«Сарказм...» <i>Перевод Б. Викторова</i>	7
«Ну что за человек!..» <i>Перевод М. Еремина</i>	8
«Иному весь мир покажи...» <i>Перевод М. Еремина</i>	9
«Я играл с моей дочкой-малюткой...» <i>Перевод</i> <i>Б. Мариана</i>	9
Сторона, моя сторонка! <i>Перевод Б. Мариана</i>	10
«Жизнь наша как вода...» <i>Перевод М. Еремина</i>	10

«Идущий достигнет...» Перевод М. Еремина .	11
Радость, Перевод В. Кузнецова	12
«Кто выбрал однажды...» Перевод М. Еремина	13
«Мир прекрасен...» Перевод В. Измайлова .	14
«Почему я с давних лет...» Перевод Б. Мариана	14
«Добро и зло повсюду ходят рядом...» Перевод М. Еремина	14
«Любой из нас для будущих времен...» Перевод М. Еремина	15
«Сижу — едва не джентльменом! — в трамвае...» Перевод В. Измайлова	15
«В ком увижу странное...» Перевод В. Измайлова	16
Столбы у дорог истории. Перевод Б. Мариана	16
«У самого добра...» Перевод М. Еремина .	17
«И ученость от ученья...» Перевод М. Еремина	18
«Лезвием тупым опасно бриться...» Перевод М. Еремина	18
«Нет, друг не тот, кто терпит...» Перевод М. Еремина	18
«Не печалится пройдоха...» Перевод М. Еремина	19
«Перец, ты мой, перец!..» Перевод М. Еремина	19
«Довели дорогие напитки...» Перевод М. Еремина	19
«Содеял дурное — и совесть заела...» Перевод М. Еремина	20

Д. И. Савастину. <i>Перевод Б. Мариана</i> . . .	20
Тем, кто на ногах. <i>Перевод М. Еремина</i> . . .	21
«Земля — музей...» <i>Перевод М. Еремина</i> . . .	21
«В музее тихо...» <i>Перевод М. Еремина</i> . . .	22
Меч. <i>Перевод М. Еремина</i>	22
«Я дочери книгу...» <i>Перевод М. Еремина</i> . . .	23
Встреча с фашистом. <i>Перевод М. Еремина</i> . . .	24
«Двое детей у меня...» <i>Перевод Б. Мариана</i> . . .	25
С. Г. Богдану. <i>Перевод В. Измайлова</i>	26
«Корите меня...» <i>Перевод М. Еремина</i> . . .	26
«Я люблю одно светило...» <i>Перевод М. Ере-</i> <i>мина</i>	27
Дорога и тропа. <i>Перевод М. Еремина</i> . . .	27
«Ушла медлительность...» <i>Перевод В. Измай-</i> <i>лова</i>	28
Ты молодой. <i>Перевод М. Еремина</i>	28
Анекдот об упрянце. <i>Перевод М. Еремина</i> . . .	29
Когда мы не идем туда, где нас ждут. <i>Пе-</i> <i>ревод Б. Викторова</i>	29
Навеки простившимся. <i>Перевод Б. Викторова</i>	30
Если дочку хвалит мать. <i>Перевод В. Куз-</i> <i>нецова</i>	31
«...И ты — моя...» <i>Перевод В. Измайлова</i> . . .	31
«Счастливые, идем вдвоем с тобой...» <i>Перевод</i> <i>В. Измайлова</i>	32
Не проходи. <i>Перевод В. Измайлова</i>	32
«Я знал, я верил, мнил...» <i>Перевод В. Из-</i> <i>майлова</i>	33

«Весна вовсю...» Перевод В. Измайлова . . .	34
«Кто тебя не видел, милую...» Перевод В. Кузнецова	35
«Останься, говорил ей дом...» Перевод В. Кузнецова	36
«Если грянет соловей...» Перевод В. Кузнецова	37
«На два голоса ты, песенка моя...» Перевод В. Измайлова	38
«Солончаками белыми земля...» Перевод В. Измайлова	39
«Она — согласна...» Перевод В. Измайлова	40
«Темный ветер засвистит...» Перевод В. Измайлова	40
«Пусть ты будешь радостью...» Перевод Б. Викторова	41
«От счастливого или счастливой...» Перевод Б. Мариана	42
Пожились мы очень быстро, Перевод Б. Викторова	43
«Если ты придешь ко мне...» Перевод Б. Викторова	43
Милая лучок сажала, Перевод Б. Мариана	44
Отойди в сторонку, мама! Перевод Б. Мариана	45
«Устало солнце за день летний...» Перевод М. Еремина	45
Танец, Перевод Б. Мариана	46

«На свиданье под каштаном...» Перевод Б. Мариана	47
Но ты мечтаешь о другом. Перевод М. Ере- мина	48
Мне кажется, ты просто пошутила. Перевод В. Измайлова	48
«Вчера счастливые...» Перевод М. Еремина .	49
Перед зеркалом. Перевод М. Еремина	49
«Она сгорала тихо, будто таяла...» Перевод М. Еремина	50
«Как они счастливо дышат...» Перевод Б. Ма- риана	50
«Оттенков разных требует узор...» Перевод М. Еремина	51
Терпит сердечные муки. Перевод М. Еремина	51
Звон браслетов на запястьях. Перевод М. Ере- мина	52
Какой чудесный паренек! Перевод М. Еремина	52
Бьет ключ прозрачный, ледяной. Перевод М. Еремина	53
Кто молится любви. Перевод В. Измайлова .	53
«Ту, кого любить я стал...» Перевод В. Из- майлова	54
Гей, облако! Перевод В. Измайлова	55
«Я стены убрала...» Перевод В. Измайлова .	56
Поздняя осень. Перевод В. Кузнецова	56
Ну-ка, дед, спляши! Перевод П. Пархомов- ского	57

На косьбе. Перевод М. Еремина	58
Старый Буджак. Перевод В. Измайлова	59
В музее старины. Перевод М. Еремина	60
Старик. Перевод Б. Мариана	61
Жалоба батрака. Перевод П. Пархомовского	62
Колыбельная. Перевод Ю. Левитанского	63
«Все, о чем думал я в детстве...» Перевод В. Измайлова	65
«Если слушатель твой не глух...» Перевод М. Еремина	65
«На том лишь истины печать...» Перевод М. Еремина	65
Ответ начинающему. Перевод В. Измайлова	66
У входа на Парнас. Перевод В. Измайлова	66
Хорошо, что есть время! Перевод В. Измай- лова	70

Дмитрий Николаевич Кара Чобан

Зеленое пламя

(стихи, переведенные с гагаузского языка)

Редактор А. Единевская. Художник Г. Высоцкая. Художественный редактор И. Щипанова. Технический редактор Н. Миляк. Корректоры В. Лифанова, Б. Кенигфест. Сдано в набор 23-VIII-1971 г. Подписано к печати 10-XII-1971 г. АБ12538. Формат 60×90^{1/8}. Бумага тип. № 1. Печатных листов 2,38. Уч. изд. листов 2,01. Тираж 2 000. Зак № 1239. Цена 21 коп.

Издательство «Карта молдовеняскэ»
Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Кишиневская типография № 2 Полиграфпрома Госкомитета Совета Министров Молдавской ССР по печати.

Карта Молдовенякскя * 1972

21 коп.